

В 1962 году Ю. Н. Куранова принимают в Союз писателей СССР за одну лишь книгу «Лето на севере», которая произвела впечатление и на читателей, и на критиков. Вскоре появились и другие книги: «Белки на дорогах», «Увалы Пыщуганья», «Колыбельные руки», «Дни сентября». Куранов становится известным и признанным мастером лирической миниатюры. В 1963–1964 годах он обратился к жанру сюрреалистических рассказов. *«Публиковать мои миниатюры (сюрреалистические) я даже не пытался, понимая полную безнадёжность моего положения»*. Но в середине 70-х некоторые из них были переведены на эстонский язык и опубликованы в журнале «Ноорус». А позднее рассказами заинтересовались Северин Полак и Анджей Дравич. Миниатюры были опубликованы в авторитетных тогда журналах «Одра» и «Литература в мире».

В конце 1967 года Куранов переезжает в Псков. Вспоминает Валентин Курбатов: «В областной библиотеке собрался клуб интеллигенции. Был новый молодой человек с крепкой фигурой штангиста, жестковатым волевым лицом и неожиданно цепкими и вместе бережными глазами. Он смотрел на нас так дружески подробно, будто не он был у нас в гостях, а мы у него. Его представили: “Юрий Николаевич Куранов, писатель из Костромы, который теперь будет жить у нас”.

Для меня это было новостью ошеломляющей. Я ещё не видел его книг, но читал печатавшиеся в “Новом мире” его рассказы из цикла “Увалы Пыщуганья”. И был потрясён их радостной, щедрой изобразительностью, весёлой свободой, песенной лёгкостью, золотой солнечной яркостью, словно все они были написаны в ликующий июльский полдень... И вот – счастье и чудо! – узнать в реальности писателя, которого любил и который казался нереален – так прекрасно было его слово» (В. Курбатов. Под созвездием Лебедь).

Живёт Куранов в основном не в Пскове, а в его окрестностях, среди милой его сердцу природы. Излюбленными местами являются Михайловское, Тригорское, Пушкинские Горы, позже село Глубокое Опочецкого района.

Будучи частым гостем Пушкинского заповедника, Юрий Куранов подружился с его директором Семёном Степановичем Гейченко. Как-то увидев картины Алексея Козлова, Гейченко, *«этот вездесущий нестареющий, в свои семьдесят лет полный энергии и неувядаемого интереса к жизни во всех её проявлениях человек сразу почувствовал в костромском самородке натуру мощную и чем-то, пусть и отдалённо, близкую Александру Сергеевичу. Впрочем, нужно тут же оговориться: а кто из нас не близок Пушкину по своей сути, той или иной, когда Пушкин наш величайший поэт и глубочайший*

выразитель нашего народного характера. Но! Есть и ещё некоторые оттенки близости той либо иной личности к Пушкину, особенно когда личность эта творческая. Козлов близок был Пушкину кипучестью, необычайной ранимостью и в то же время мощью темперамента» («Озарение радугой»).

Зоя Алексеевна, жена писателя, вспоминала: «Когда жили в Пскове, он часто уезжал в Михайловское и жил там, много гулял. И помню, говорил, что когда он гуляет по Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, то всегда ощущает, что будто с ним рядом кто-то идёт».

Для человека, попадающего в места, одухотворённые творчеством Пушкина, знакомого с его поэзией и не утратившего детскую восприимчивость природы как пространства всевозможных чудес становится доступным поднятие на уровень, где поэтическое чувство вибрирует в унисон с **неизъяснимой прекрасной силой**.

Осенняя пора, унылая для многих, очаровывает вслед за Пушкиным и Куранова. «Дни поздней осени бранят. Но как бранить холодное и чистое течение осенней полоёй воды? Когда ты чувствуешь её дыханье, взгляд... День краткий гаснет, досуг вечерний полон полусна, полувоображенья. Как будто ты влюблён, легко и радостно...

И словно ты плывёшь сквозь этот шум и говор листопада, раскинув руки, смотришь вокруг помолодевшими глазами».

А зимой. «День чудесный сияет на снегах Сороти. Река замёрзла не совсем, под горою за Савкином дымит у берега ключ. Лёд размыт его неторопливым течением. Здесь от Сороти поднимается дымок, словно чьё-то спокойное дыхание. И трудно поверить, что вчера ещё злилась выюга. <...>

А сегодня и не узнаешь небес, равнины. Снег блещет на солнце. Лес прозрачен. Вся комната январным озарена сиянием. <...>

Скорее. Уйти на солнце, на мороз. <...>

Идти или стоять с перехваченным дыханием и только повторять слова, которых красочней и звонче не найти в сию минуту:

– Мороз и солнце, день чудесный!»

Вскоре после приезда в Псков Курановым были написаны повести «Звучность леса» и «Дом над Румбой». Их объединяет – кроме места действия (окрестностей Михайловского) и главного героя Андрея (видимо, очень близкого по мировосприятию автору в пору его юношества) – тонколирический настрой и наличие фантазийных элементов. Главный герой (и в той и в другой повестях), находясь в поиске понимающей, сочувствующей собеседницы-подруги-музы, рождающей в душе вдохновение и любовь, и не находя такой в реальности, создаёт её в воображении. Обе повести проводят мысли о благотворности для души нахождения в поле светлых энергий, дающих возможность выхода из дурной бесконечности повседневного однообразия.

Творчество Куранова этого периода дышит молодостью, подпитываясь растворённой в пространстве светлой вдохновляющей энергией, не иссякающей с пушкинских времён. Валентин Курбатов, восторженно приветствовавший приезд уже известного писателя и ставший другом Куранова, называет его прозу «упругой и непрерывно счастливой, даже когда говорила о бедной и тяжёлой деревенской жизни». Эта способность видеть хорошее, внутреннее состояние наполненности счастьем жизни – не изменяла Куранову, несмотря ни на что.

«Земля едва проснулась. Земля только двинула силу: травы, листву, дыхание рек. Листва берёз нежна даже в тумане, в ночных сумерках чувствуется её робкая девичья нежность. И всё молчит, всё ждёт часа, своей минуты, но живёт. Ох как живёт эта удивительная, эта юная весна, утренняя и такая свежая!

Невозможно понять – кто поёт и о чём? Дрозды, синицы, даже слышится запоздалый снегирь, тетерева за ельником, лес, ночные фиалки, ландыши, каждая былинка. И всё поёт, всё воспевает и требует. И всё звучнее, всё голосистее, но не яростней. И не видно ничего из-за тумана, но рядом всё, и всё твоё и с тобой.

Слышу, как выходит на крыльцо, гремит вёдрами невыспавшаяся хозяйкина дочь... злым голосом говорит навстречу заре: “Ишь разгорланилась, нечистая сила”.

Я становлюсь к ней спиной, спиной к её голосу невыспавшегося человека, и говорю сам себе про себя, но так, чтобы меня слышали:

– Здравствуйте и пойте. Какая вы удивительная, какая вы чистая сила!

И солнце, наконец, является из-за леса» («Пир на заре»).